
А. И. КУЗЬМИН

КРЕПОСТНОЙ ЛИТЕРАТОР В. Г. ВОРОБЛЕВСКИЙ

Среди переводчиков второй половины XVIII века несомненный интерес представляет Василий Григорьевич Вороблевский, крепостной человек Шереметевых. Вороблевский принимал участие в сатирическом журнале «Смесь», первым перевел на русский язык плутовской роман «Жизнь Ласарильо с Тормеса» (этим переводом русские читатели пользовались более ста лет) и много других произведений. В доме своего владельца Вороблевский был библиотекарем и как режиссер работал в Шереметевском театре. Родился В. Г. Вороблевский в 1730 году. Отец его была приказчиком до 1727 года в Ростовской Вошажниковской вотчине Шереметевых, а затем был переведен на эту же должность в Юхотскую волость. «Понеже усмотрели мы радетьельную вашу к нам службу и безленостное в вотчине управление, — говорилось в адресованной к нему в 1727 году инструкции вдовы фельдмаршала Б. П. Шереметева, — того ради жалуем тебя ведать вотчину нашу в Ярославском уезде Юхотскую волость и быть в той вотчине управителем и управлять по нижеписанным пунктам со всяким радением, трудом и усердием, как подобает верному рабу».¹ Помещик высоко ценил службу верного и честного управителя. Семья Вороблевских была хорошо обеспечена. Сыновьям Вороблевского была уготована участь их отца: Василий был отправлен в Петербург для обучения в частном пансионе, а брат его Николай в 1743 году был назначен приказчиком села Августова и Васильева. В 1765 году по сказкам третьей ревизии он числился как «приказчик в Черкасских слободах» Молодотудской волости. Вероятнее всего, и Василий Григорьевич после обучения в пансионе

¹ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. Изд. Останкинского дворца-музея, М., 1947, стр. 39.

должен был стать приказчиком. Однако Шереметев не отпустил от себя возвратившегося из пансиона образованного и талантливого юношу. Вороблевский сопровождал графа в его поездках по вотчинам и выполнял различные поручения. В «Тетради о приходе и расходе денег в бытность их сиятельств в вояже по вотчинам» 1763 года несколько раз упоминаются хозяйственные поручения, которые давались Вороблевскому: «Выдано Василию Вороблевскому на покупку для стола их сиятельств припасов с 1 по 8 число сентября по 5 рублей на день, всего 35 рублей».² Распоряжения подобного рода встречаются неоднократно в хозяйственных документах Шереметевых.³

С детства Вороблевский хорошо знал неприглядную жизнь крепостной деревни и систему вотчинного управления. Теперь, во время своих поездок с графом, молодой человек имел возможность расширить свои познания. Вероятно, в это время у него созрело решение не идти по стопам своего отца-управителя. Он хорошо знал, что управителя не только боялись, но и ненавидели. По инструкции 1764 года Шереметевы предписывали приказчикам строго наказывать провинившихся крестьян: «... если в продерзостях явятся, брав в судную избу, по рассуждении их вин, наказывать штрафами и телесными наказаниями, а ежели от того не уймутся, о таких представлять ко мне и в домовую же канцелярию, которые, по рассмотрению вин их, в силу вотчинных указов будут отданы для поселения в Нерчинск».⁴

Эти первые впечатления детства и юности несомненно сыграли свою роль в формировании мировоззрения Вороблевского. Они были расширены и углублены знакомством с западноевропейской литературой в обширной библиотеке Шереметева.

В 1743 году В. Г. Вороблевский написал первое свое произведение «Разговор между двух русских солдат».⁵ На основании личного его указания можно заключить, что в эти же годы он писал и стихи.⁶ П. Б. Шереметеву лестно было иметь грамотных и образованных слуг, он не запрещал им в свободное время за-

² «Отголоски XVIII века», вып. X, стр. 38.

³ См.: Там же, стр. 40, 51.

⁴ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 118.

⁵ Опись библиотеки, находившейся в Москве на Воздвиженке в доме графа Д. Н. Шереметева до 1812 года. СПб., 1883, стр. 390, № 341. (В дальнейшем цитируется: *Опись библиотеки...*).

Едва ли следует придавать значение этому свидетельству. Трудно предположить, что Вороблевский в 13-летнем возрасте написал это произведение. — *Прим. Ред.*

⁶ В посвящении перевода комедии «Башмаки Мордоре или немецкая башмачница» (1778) он указывает, что в сочинении стихов не упражнялся «лет уже за тридцать».

ниматься науками и искусствами, но ничего не менял в их общественном положении. Когда они становились художниками, архитекторами, талантливыми артистами, они все же оставались крепостными. Из письма жены П. Б. Шереметева, княгини Варвары Алексеевны, к ее любимой воспитаннице, калмычке Анне Николаевне (около 1767 года), нам известно, что Вороблевский продолжал служить дворецким.⁷

В. Г. Вороблевский в эти годы интересовался не только литературой, но и театром. Оркестр и небольшая хоровая капелла появилась у Шереметевых очень рано. В первой половине XVIII века этот оркестр, включавший и исполнителей на смычковых инструментах,⁸ был одним из лучших в России. В обеих столицах Шереметевы давали пышные приемы, устраивали роскошные празднества, на которые собиралась высшая знать Москвы и Петербурга. В одном из номеров «СПб. ведомостей» за 1765 год сообщалось, что у П. Б. Шереметева «представлена была из знатных персон на нарочно сделанном театре французская комедия „Женившегося философа“ или „Стыдливого мужа“, сочинение стихами господина Нерико де Туша». Эти любительские спектакли не имели особенно большого значения в развитии шереметевского театра, но заставили Шереметевых отнестись более серьезно к тем театральным дарованиям, которые выявились среди их крепостных.

В это время В. Г. Вороблевский начинает свою театральную деятельность вместе с выдающимся крепостным композитором и дирижером С. А. Дегтяревым. Спектакли шереметевского театра давались в дни больших праздников и, вероятно всего, постановки их осуществляли Вороблевский и Дегтярев.

В 1762 году П. Б. Шереметев вышел в отставку и поселился в своей подмосковной усадьбе «Кусково». Через пять лет он как представитель от московского дворянства принял участие в «Комиссии по составлению нового Уложения». Вероятно, граф брал с собой в качестве секретаря Вороблевского, которому давал различные поручения.

В Комиссии Вороблевский оказался в кругу представителей разных слоев населения, стал свидетелем столкновения мнений и горячих споров по острейшему вопросу современности — вопросу о крепостном праве. Здесь он видел защитника крестьян Коробьина, философа Якова Козельского и мог познакомиться с переписчиками М. И. Поповым, Ф. А. Козельским, А. О. Аблесимовым, мнения и суждения которых были ему особенно

⁷ См.: «Отголоски XVIII века», вып. V, стр. 6.

⁸ См.: А. Гинзбург. История виолончельного искусства. Музгиз, М., 1957, стр. 69.

близки. Несомненно, уже здесь, в Комиссии, Вороблевский сблизился с Н. И. Новиковым, в типографии которого позднее печатал многие свои переводы. Вороблевский хорошо знал жизнь, был достаточно образован и решителен и не мог остаться в стороне от общественной деятельности. Прошло не более полугода после роспуска Комиссии (18 декабря 1768 года), и он принял некоторое участие в появившейся вскоре сатирической журналистике.

Вслед за екатерининской «Всякой всячиной» и другими сатирическими журналами с 1 апреля 1769 года начал издаваться сатирический журнал «Смесь», во главе которого стоял Л. И. Сичкарев. Поэт, переводчик «Забавного философа» и других произведений западноевропейской литературы Л. И. Сичкарев был известен многим, однако мало кто знал, что он является издателем «Смеси».

В. Г. Вороблевский, работавший в шереметевской библиотеке, был знаком с имевшимся в ней журналом Сичкарева.⁹

По своей направленности журнал «Смесь» был одним из самых передовых журналов того времени и ближе всего стоял к «Трутню». В «Смеси» публиковались письма, разоблачающие алчность духовенства и паразитизм дворянства. Довольно резко и смело выступил журнал Сичкарева против издававшейся Екатериной «Всякой всячины». В «Смеси» напечатано было много статей, взятых из французских журналов. Статьи эти переделывались «на русский лад», но главные корреспонденции, определившие лицо и направление журнала, были русскими.

В листе № 3 на странице 20 «Смеси» был опубликован «Разговор Леандра с Мизантропом». Произведение это показательное для политической направленности журнала. Уже в начале диалога автор устами Мизантропа обвинял современное ему общество в том, что оно основано на бесчестности. На вопрос Леандра, «каким образом сделать свое счастье», Мизантроп отвечал, что он «не знает к тому честных способов». Считал ли Мизантроп бесчестными вообще всех людей? «Если захочешь быть счастливым, — говорил он, — то должно быть негодяем». Другими словами, те, кто пользовался счастьем, являлись негодяями. Далее автор откровенно пояснил, кого именно он относит к категории негодяев. Когда Леандр сообщил, что он «не дворянин, но имеет несколько природного разума и учился наукам», Мизантроп ответил: «Вы тогда не будете негодяем, но за тем и не сделаете своего счастья». Так, обвинение направлялось против дворянского общества, и в репликах диа-

⁹ Опись библиотеки. . . , стр. 472, № 3825.

лога давалась характеристика морального облика дворянина: это человек, не имевший природного разума, не обучавшийся наукам и завоевывающий благополучие нечестными путями. Далее Мизантроп углублял свою характеристику, показывая отношение дворянина к тем, за счет кого он благоденствовал: знатный человек высоко оценит искусство «управлять гребнем или бритвою», но не обратит внимания на честного образованного труженика, «хотя бы он день и ночь сидел за его делами, нажил чахотку и ослеп».

Учитывая, что сатира того времени большей частью метила в определенных лиц, можно предположить также, что какому-то кругу современников было известно, кого вывел автор под именем Мизантропа.

Ответ на эту корреспонденцию, помещенный в «Смеси» на стр. 43 за подписью «Votre très affectionné serviteur В. W.», написан был В. Г. Вороблевским.¹⁰ Свое письмо крепостной литератор начинал с благодарности «за изъяснения участи ученых в третьем нашем месте». «Все учившиеся природные россияне, находившиеся при высокородных, — сообщал он горестно, — гораздо несчастливы перед неучью, да еще ненавидимы бывают за свои науки и за свое знание». Вороблевский писал, что в привилегированном положении у знатных находятся не только камердинеры, как это указано в диалоге Леандра с Мизантропом, но и секретари знатных, и доходы с крестьян делаются между господином, секретарем и управителем, «а бедный ученый человек — в презрении без награждения за свои многотрудные подвиги, некажущиеся важными».

В числе других произведений эта маленькая корреспонденция скромного крепостного литератора включалась в борьбу за улучшение жизни «третьего роду россиян» и развенчивала миф Екатерины II о том, что она является поборницей просвещения, что в ее царствование созданы все условия для расцвета наук и художеств.

Журнал «Смесь» скоро был закрыт.

По предложению Н. И. Панина Н. П. Шереметев вместе с князем А. Б. Куракиным в 1769 году отправился в заграничное путешествие.¹¹ В литературе высказывалось предположение, что Вороблевский был за границей. Вероятно, он сопровождал молодого графа. Четыре года пробыли путешественники вдали от родины. В Лейдене Шереметев слушал лекции, затем он по-

¹⁰ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 251.

¹¹ См.: «Отголоски XVIII века», вып. VII, стр. 5.

сетил Англию, Голландию и Швейцарию, надолго задержался во Франции. В Париже осматривал многие достопримечательности и посещал театры. 14 января 1772 года в итальянской комедии в Париже играли оперу «Люсиль», «в ней наилучшая актриса была г-жа Ларует, славный Кайо и прочие играли чрезвычайно хорошо».¹² 20 марта 1772 года был дан «Дезертир», где г-жа Трияль Луизу «столь натурально сыграла, что лучше желать невозможно».¹³ Постановки этих опер в Москве осуществил В. Г. Вороблевский на шереметевском театре. В Париже Н. П. Шереметев встретился с Никитой Акинфиевичем Демидовым. Н. А. Демидов относился к числу просвещенных людей своего времени, был в переписке с Вольтером, поощрял стремление к наукам у некоторых своих крепостных. Позднее В. Г. Вороблевский посвятил Н. А. Демидову один из своих переводов.

По-видимому, во время пребывания за границей В. Г. Вороблевский не прекращал занятий историей и литературой. В 1769 году Августин Алец издал во Франции четыре тома «Истории славных государей всея вселенной». В 1771 году в Петербурге вышел отрывок из этой книги в переводе Вороблевского: «Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России». «Время и место,¹⁴ — писал Вороблевский в посвящении перевода П. Б. Шереметеву, — подали мне случай испытать мои недостаточные силы в переводе с французского на российский язык». Это был первый перевод Вороблевского. В «Предуведомлении благосклонному читателю» он сообщал, что причиной, побудившей его к переводу, были достоинства книги Алеца, в которой жизнь Петра «хотя и весьма коротко описана, но справедливо, а притом, сколько возможности было, ничего не упущено из славных добродетельных и великих дел Просветителя, исправителя и законодателя России».

Объективно этот перевод Вороблевского имел большое значение. В среде людей, оппозиционно настроенных к Екатерине II, жили идеи противопоставления «истинного просветителя» в лице Петра I просветителю ложному — Екатерине II. Они хотели видеть на престоле Павла I и надеялись, что он будет продолжателем дела Петра. Появление перевода В. Г. Вороблевского в 1771 году, за год до совершеннолетия Павла, «когда положение в государстве было крайне неустойчиво и

¹² Журнал путешествия его высокородия... Н. А. Демидова. М., 1786, стр. 29.

¹³ Там же, стр. 37.

¹⁴ Это глухое указание дает основание предположить, что перевод был сделан Вороблевским за границей.

восстания вспыхивали в разных местах»,¹⁵ отвечало этим настроениям, хотя сам В. Г. Вороблевский мог и не преследовать такой цели. Но у него была не менее важная причина для опубликования своего труда. В это время шла турецкая война; несмотря на тяжелые условия, русские солдаты и моряки одерживали над турками одну победу за другой. Обращаясь к героическому прошлому России, Вороблевский непосредственно отзывался на подвиги современников. Свою книгу он адресовал широкому кругу читателей и выступил как просветитель, говоря, что сделал все возможное, «чтоб на российском языке» это сочинение не было «противным в чтении». «А естли что найдется в сем моем переводе неисправного, — писал он далее, — то прошу, благосклонный читатель, мне упустить, потому что я еще в первый раз осмеливаюсь мой перевод выпустить в общество».

В 1774 году в типографии при Московском университете была отпечатана переведенная В. Г. Вороблевским небольшая книга: «Заря—новая французская игра». Предлагая свою книгу, крепостной переводчик как бы включался в общую борьбу дворянских писателей-просветителей с карточной игрой. Однако в отличие от А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова у Вороблевского и в этом случае был свой читатель. В «Предупреждении» он писал, что могут найтись люди, которые не заинтересуются его книгой, которые «обману прилежней учатся, нежели нравам чести», тогда «Заря» будет использована ими для заправки коровьего масла. Но это не смущало крепостного переводчика. Вороблевский говорил, что «бывают любопытные и любители во всяких чинах, даже в самых тех, кои покупают коровье масло и сыр по четверточкам, могут сыскаться такие, кои прочетши обвертку своего обеда бывают весьма любопытны». Если они после трудов своих могут позабавиться предложенной им игрой, то это вполне его удовлетворит. А кто же эти люди, которые не захотят читать его книгу? Из того же «Предупреждения» следует, что они не покупают масло и сыр по «четверточкам», т. е. принадлежат к числу людей состоятельных.

В связи с усилением дворянской реакции демократически настроенным писателям все труднее становилось высказывать открыто свои взгляды; многие отошли от борьбы, другие стали выступать более осторожно, третьи научились «эзопову языку». В. Г. Вороблевский выбрал своеобразную форму служения общественному благу. Он стал переводчиком и переводил такие произведения, которые прямо или косвенно служили интересам

¹⁵ История русской литературы, т. IV, ч. 2. Изд. АН СССР, М—Л, 1947, стр. 169.

«третьего сословия». В русской литературе XVIII века сложилась традиция использования перевода в целях сатиры. Особенно яркое выражение это нашло в переводческой практике Д. И. Фонвизина.

Писатели-классицисты судьбу простого человека не считали достойной изображения. Они отрицали бытовой роман как жанр литературы, а вождь русского классицизма А. П. Сумароков в статье «О чтении романов» (1759) утверждал, что от романов больше вреда, чем пользы. Характерно, что наиболее активными защитниками этого жанра были писатели, вышедшие из рядов «третьего сословия». Они всячески доказывали практическую полезность чтения романов. Эмин во второй части «Непостоянной фортуны» называл романы наиболее полезными книгами для молодого юношества. Но писателей-разночинцев привлекала к романам не только возможность пробуждения у читателей интереса к практическим знаниям. Знакомясь с жизнью и раздумьями героев этих произведений, читатели приобщались к антифеодальной идеологии.

Значительную роль в популяризации жанра романа в России сыграл В. Г. Вороблевский. В 1775 году был напечатан переведенный им с французского роман в двух частях «Жизнь и приключения Лазария Тормского...».¹⁶ Написанный в 30-е годы XVI века в Испании, этот роман за свою антицерковную направленность был в 1559 году внесен архиепископом Севильским в список запрещенных книг. Убедившись, что страх «наказания божьего» не возымел своего действия и книга завоевывает все большую популярность, церковники решили ее обезвредить. Секретарю Филиппа II Хуану Лопесу де Веласко было поручено обработать текст и выбросить из него главы, высмеивающие монаха ордена милости и продавца папских индульгенций. В 1620 году преподаватель испанского языка в Париже, испанский эмигрант Хуан де Луна вторично переработал повесть и написал ее продолжение, в котором еще резче обрушивался на церковников. В этом виде «Жизнь Лазария» вновь была издана и в переводах обошла Францию, Италию, Нидерланды, Португалию и даже Америку. В каждой стране повесть о приключениях незадачливого, но плутоватого бедняка приобретала какие-то новые национальные черты.

В. Г. Вороблевский перевел французский вариант повести с добавлением Хуана де Луна. В книге о несчастьях и радостях

¹⁶ Жизнь и приключения Лазария Тормского, писанные им самим на гишпанском языке; перевел с французского Василий Вороблевский. М., 1775. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте)

слуги Лазария крепостного переводчика привлекло то, что он мог познакомить русского читателя с образом смышленного, несколько лукавого, но всегда жизнерадостного человека «простого звания», который часто оказывался умнее своих господ. Читатель знакомился со священником, который морил мальчика Лазария голодом, а потом больного и голодного выгнал из дома, с монахом ордена милости, который являлся «ярим врагом монастырской службы и монастырской пищи, любителем погулять на стороне»; с продавцом папских индульгенций — «самым развязным, бесстыдным и ловким торгашем». Не забыты были в повести и дворяне.

Переводя эту книгу, В. Г. Вороблевский оставался верен своим идеям. Устами слуги Лазария он говорил то, что уже невозможно было поведать от своего имени в условиях наступившей дворянской реакции. Лазариль высказывался о праздности мадридских придворных (стр. 38), а русский читатель мог отнести это к екатерининским придворным. Устами Лазария можно было остро высмеять дворянскую спесь (стр. 11) и сказать, что ради сытого куска у более знатного человека дворянин может лгать, притворяться и угождать (стр. 73). Но главной целью, которую ставил себе переводчик, было стремление вызвать симпатии к людям, подобным Лазарилю, т. е. к представителям «третьего сословия». И здесь Вороблевский нашел возможность сказать слово в защиту обиженных слуг, как он уже это делал еще на страницах «Смеси». «У нынешних больших господ, — говорит Лазарилю дворянин, — я наверное знаю, что не стараются они при себе иметь честных людей, а напротив, к ним имеют омерзенье, их ненавидят и держат их за бесполезных, не разумеющих света» (стр. 115).

В посвящении своего перевода Н. А. Демидову «Московского императорского воспитательного дома благодетельствующему и усердному рачителю» Вороблевский писал: «Ни тщеславие, ни ласкательство побудили меня посвятить имени Вашего высокородия сию забавную и несколько нравоучительную книжку, но единственно Ваша склонность к забавным невинным упражнению, также благоволение к подобным мне собраниям».

«Жизнь и приключения Лазария Тормского» выдержала три издания (первое — в 1775 году, второе — в 1792, третье — в 1794) и пользовалась большой популярностью у читателей. Она отвечала на многие очень важные вопросы времени.

Основным классовым противоречием русской жизни всего XVIII века была борьба между помещиками и крестьянами. Она затрагивала и представителей «третьего рода россиян», как

называлась тогда еще не дифференцировавшаяся масса буржуазного и «вольного» трудящегося населения России. Эти последние были еще очень слабы, чтобы создать свою литературу, поэтому переводные произведения, подобные «Жизни Лазария», играли существенную политическую роль. Известные слова Новикова «у нас те только книги третьим, четвертым и пятым изданием печатаются, которые сим простосердечным людям по незнанию их чужестранных языков нравятся» можно отнести и к «Жизни Лазария». В среде читателей «низкого рода» Лазариль был признан своим героем, занявшим место где-то рядом с Совестьдралом, героем популярной в XVIII веке книжки «Похождения шута и плута Совестьдрала», с Ванькой Каином из одноименной книги легенд и анекдотов о знаменитом московском разбойнике, с Иваном Гостинным, сыном из сборника новелл «Похождения Ивана Гостинного сына».

Список подобной литературы в 1785 году обогатился новым произведением: с французского языка на русский язык были переведены Вороблевским «Повести Вильгельма извозчика Парижского».¹⁷

«Повести Вильгельма» посвящались «известному отменному славному московскому извозчику Алексею Чистякову». Уже сам по себе этот факт обращал на себя внимание. В длинном ряду книг, адресованных известным вельможам, посвящение книги простому извозчику выглядело как вызов традиции, как протест против всей эстетики классицизма. В посвящении Вороблевский писал, что свой перевод он адресует Алексею Чистякову не для того, чтобы тот учился править лошадьми у своего французского собрата, но чтобы, подражая ему, выдал в свет случающиеся в его присутствии приключения с ездоками. Подобных приключений, высказывает свое мнение переводчик, у Чистякова много, и он с успехом может повеселить ими своих земляков, в том числе и самого В. Г. Вороблевского.

В этом посвящении Вороблевский ратует за литературу «третьего рода россиян» и хочет, чтобы эта литература не была надуманной, а отражала бы реальный мир таким, каким он представляется глазам простого человека, в данном случае извозчика.

В предисловии автор пишет, что, несмотря на удивление публики по поводу того, что человек такого «качества», как он, берет в руки перо, он все же хочет поведать о многих приключениях, большую половину которых видал собственными гла-

¹⁷ На титульном листе этой небольшой книги сообщалось, что напечатана она в «Большом Успенском селе 1000700805 года».

зами. «Люди, кои ездят в извозничьих колясках, не опасаются ничего, не таятся они в известных вещах, кои не сделали бы перед народом». Автор изображает картины, свидетельствующие о низости буржуазной морали: господин Бордеро разрешает жене зарабатывать себе на наряды у чужих мужчин, лишь бы все это сохранялось в тайне и соблюдалась видимость добропорядочности. В книге показан жирный монах — любовник знатной дамы, употребляющий вместо молитвы бургундское; высмеивается «шевалье Брильянтин», который выдает себя за светского аристократа и на этом основании не платит долгов, соблазняет девушек и проводит жизнь в кутежах.

Все четыре рассказа в «Повестях Вильгельма» объединены образом извозчика, от лица которого ведется повествование. С живой непосредственностью излагает он перипетии любовных измен и потасовок. Он ничего не осуждает и ничему не удивляется. В мире, в котором он живет, тот, кто не хочет прозевать своего куска, должен быть ловким и небрезгливым. У Вильгельма нет никакого уважения ни к дворянам, ни к духовенству. С большим хладнокровием этот простоватый человек рассказывает об интригах щеголей и аббатов, в событиях, о которых идет речь, он сам принимает участие и всегда оказывается в выигрыше.

Художественные достоинства «Повестей Вильгельма» невысоки, но у автора налицо стремление изобразить жизнь такой, какой она была в действительности. Изображение это не носило сатирического и насмешливого характера, как то имело место у классицистов, для которых «низкий» быт и мир «простых людей» служил объектом комического изображения. Автора «Повестей» не интересовало, какой человек извозчик Вильгельм — герой рассказов, — хороший или плохой, носитель доброго или злого начала. В «Повестях Вильгельма» существовавший в жизни порядок принимался таким, каким он был, и здесь никто не сетовал на свое тяжелое положение. Однако и эта книга будила сознание читателей. Она повествовала о делах «умеющего жить» извозчика и высмеивала дворян и духовенство.¹⁸

Издав «Повести Вильгельма», Вороблевский познакомил русского читателя с неприглядной жизнью Парижа, с миром биржевых дельцов, аббатов и франтов.

Одновременно с «Повестями Вильгельма», в 1785 году вышла переведенная Вороблевским «Ангола, индейская повесть»,

¹⁸ Ср отрицательную оценку этого произведения как «грязноватого» а перевода как «безграмотного» у Н В Губерти. (Материалы для русской библиографии вып II М, 1881, стр 210, № 98) — *Прим Ред*

сочинение без правдоподобия».¹⁹ На первый взгляд книга эта ничем не отличалась от любовных романов, которые в большом количестве появлялись во Франции в конце XVII—начале XVIII века. Любовные приключения главного героя, принца Анголы, казалось, придуманы были автором — Жаком Рошетт де ла Морльером — для того, чтобы раздражить чувственное воображение читателей. Ж. М. Керар²⁰ писал, что «Ангола» является «непристойным романом, который имел сначала большой успех, нежели он того заслуживал».²¹

Что же привлекло Вороблевского в этом романе? В книге как бы сосуществовали две линии: одна, — повествующая о галантных приключениях молодого принца, и другая — сатирическая, резко высмеивающая быт и нравы феодального двора. Крепостного переводчика «Ангола» привлекала именно сатирической направленностью. В насмешливой форме здесь проводилось сравнение сказочного Эрзев-Кана с царями XVIII века. В отличие от последних Эрзев-Кан «властвовал сам над своими подданными» и «войны предпринимал по справедливости» (ч. I, стр. 1—2). Он не был похож на царей XVIII века и тем, что «на подданных своих налагал подати самые нужные и обходился благосклонно со своими рабами» (ч. I, стр. 2).

В полупрозрачных намеках повести перед читателями вставала мрачная картина лицемерия и продажности придворных, у которых все было подчинено интересам сластолюбия. «А я, — говорит принцу Ангола один из придворных, — смотрю на прекрасных женщин так, как на товар, бываемый у купцов, который всякой может требовать» (ч. II, стр. 5). Придворные обманывают друг друга, сама царица их Светозара признается, что двор ее — «страна уверений и притворств» (ч. II, стр. 6). Вслед за господами лгут слуги — «беспольная толпа, следующая или предшествующая большим боярам» (ч. II, стр. 56). Эти грубые и наглые люди по-лакейски высокомерно относятся ко всем, кроме своих господ, которых они при случае обманывают.

Нескромное изложение любовных приключений Анголы не затемняло и не смягчало остроты социальной критики, а некоторые страницы повести могли восприниматься русским читателем XVIII века как прямой намек на двор Екатерины II. Ска-

¹⁹ Ангола, индейская повесть. . . , перевод с французского. М., 1785. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

²⁰ J.-M. Quégar d. La France littéraire. . . , т. 4. Paris, 1830, стр. 504.

²¹ Губерти считает, что это произведение отличается «непристойностью и днизмом описываемых в нем сцен» и «полнейшею безграмотностью перевода» (см. его «Материалы. . . », вып. II, стр. 203—204). — Прим. Ред.

зочная тема позволяла касаться многого, о чем небезопасно было сказать в каком-либо другом литературном жанре.

Перевод как средство сатиры и до В. Г. Вороблевского имел широкое распространение в русской литературе, и крепостной писатель использовал его, проводя все ту же линию борьбы с феодальными устоями. Выбрав эту книгу для перевода, Вороблевский сделал шаг вперед в своем стремлении сатирически осмеять нравы правящей верхушки. Если роман «Жизнь Лазаря Тормского» высмеивал духовенство и дворянство, а «Повести Вильгельма» — мир буржуа, то здесь острие сатиры направлено было против царицы и ее окружения. Ни один из предшествовавших «Анголе» переводов не имел такого ясного и прямого приложения к русской действительности. В облике волшебницы Светозары современники могли увидеть черты, близко напоминающие Екатерину II. И эту работу Вороблевский адресовал кругу «третьесословного» читателя, что проявилось не только в живом разговорном языке, но и в многочисленных примечаниях и пояснениях, которые дал от себя переводчик. Так, например, он находит нужным пояснить, что «колибри» — «самая маленькая птичка» (ч. I, стр. 12); «увертюра» — «музыка, играемая прежде оперы»; «инкогнито» — «под чужим именем, чтоб не узнали» (ч. I, стр. 63); «режим» — «правило как жить, пить и есть» (ч. I, стр. 78) и т. п.

Значительное место в творчестве В. Г. Вороблевского занимали его переводы драматических произведений.

В 1750-х—начале 1760-х годов русская драматургия состояла из шести трагедий и четырех комедий Сумарокова, двух трагедий Ломоносова и одной Тредиаковского. Перед деятелями театра и литературы со всей остротой стояла задача создания русского национального репертуара. Естественно, что она не могла быть решена в короткий срок. Большую роль в расширении репертуара сыграли переводчики — А. А. Волков, А. Л. Дубровский, И. И. Кропотов и др., — которые занялись переводом с французского языка пьес, главным образом после-мольеровского «развлекательного направления» (пьесы Леграна, Детуша, Реньяра, Мариво и др.). Несколько позднее возникла тенденция приспособлять переводимые пьесы к требованиям русской жизни. В числе переводчиков-«прелагателей» был и В. Г. Вороблевский.

Большая часть переведенных им пьес была объединена в сборнике «Лирические переводы» (1779). На эту книгу В. Г. Вороблевского обратил внимание и Н. М. Карамзин. С. Д. Шереметев, описывая свои встречи с Карамзиным, вспоминал: «Случайно увидел он у меня книгу прошлого столетия:

„Лирические переводы“ Василия Вороблевского — пьесы, исполненные на кусковской сцене с участием хора певчих моего деда. Он заинтересовался ею и сказал, что желал бы ее рассмотреть и даже кое-что по поводу ее написать; но болезнь сему помешала, и он о ней забыл».²²

Первой пьесой, переведенной В. Г. Вороблевским, была комедия Де Брюеса «Адвокат Пателен»; он опубликовал ее в 1766 году под названием «Пателен стряпчий». В это время в памяти у многих были выступления «Трутня» и других журналов против взяточников-подьячих, которых взял под свое покровительство журнал Екатерины II «Всякая всячина». Переведа выросшую из народного театра комедию об обманщике-стряпчем, Вороблевский отозвался на очень важный и актуальный вопрос. Следует несколько подробнее остановиться на этой комедии, ибо она характеризует творческую манеру Вороблевского.

Язык перевода изобилует народными речениями; грубые слова, обороты, выхваченные из живого разговорного языка, делали комедию особенно близкой и понятной русскому читателю. Известно, с какой нетерпимостью относился к иностранным именам и чуждым понятиям в драматургии В. И. Лукин. Вороблевский, переводя комедию, строго следовал оригиналу, оставил у персонажей их иностранные имена, но чуждые понятия заменил другими, русскими. Так, например, слово «адвокат» он перевел как «стряпчий»; «контракт» — русским словом «рядная» (Пателен: «А я пойду, для порядку изготовлю рядную, которую заставите его подписать»²³) и т. п. Вороблевский старался дифференцировать речь персонажей, характеризуя героев их лексикой. Принадлежность Пателена к канцелярско-бюрократической прослойке подчеркивается словами из деловых бумаг и приказной переписки. Пателен часто употребляет слова «качество», «расписка», «состояние дел», «челобитчик», «неустойка» и т. п. Речь купца Вильгельма, напротив, близка к крестьянской речи и содержит обороты, частые в языке крестьян; «покуль я его отрушу», «ну ин этот вор» и др.

Комедия эта была поставлена в раннюю пору существования шереметевского театра.

В следующем 1777 году Вороблевский перевел комедию де Брюеса «Важной». Если в первой пьесе осмеянию подвергались судейские, то здесь предметом изображения явились дворяне. «Важной — интриган и мот де Клинкан. Это — дворянин, кото-

²² «Русский архив», 1891, ч. 1, стр. 501.

²³ Пателен стряпчий, перевод В. Г. Вороблевского. М., 1776, стр. 86.

рый внушает другим, что он в фаворе при дворе. Пользуясь простодушием легковверных людей, он собирается разбогатеть, выгодно женившись на богатой дворянке. Кроме авантюриста дворянина Клинкана, легковверной маркизы и ее дочери, в пьесе выведены их слуги. Это наиболее удачные образы комедии, так как Вороблевский в своем переводе сумел сохранить их живые конкретные черты. Слуги живут своими интересами; с недоверием и иронией относятся к господам и, пользуясь их причудами и слабостями, устраивают свои дела.

Через десять лет после Вороблевского к переводу этой комедии обратился Я. Б. Княжнин, в 1786 году опубликовавший своего «Хвастуна». «Займствованный сюжет — пишет Д. Д. Благой, — Княжнин сумел насытить такими яркими и реальными подробностями отечественного быта, заставил говорить своих героев таким точным и выразительным языком русских людей XVIII века, что из его переделки французской комедии получилась пьеса вполне в русских нравах»²⁴ Этого нельзя сказать о Вороблевском. И Вороблевский и Княжнин каждый по-своему перевели это произведение. Княжнин обрушился в «Хвастуне» на столь распространенный при Екатерине II фаворитизм; Вороблевский, следуя оригиналу, эту тему только наметил. При сравнении перевод Вороблевского выглядит как мало-совершенная работа ученика рядом с блестящим произведением талантливого мастера. Но заслуга В. Г. Вороблевского состоит в том, что он впервые в меру своих сил и возможностей приспособил эту французскую пьесу к требованиям русской действительности.

В 1778 году в переводе Вороблевского вышла пятиактная комедия «Башмаки Мордоре, или Немецкая башмачница»²⁵ В посвящении ее П. Б. Шереметеву Вороблевский писал: «Прошлого году рассудилось Вашему сиятельству приказать мне перевести сию лирическую комедию с французского языка на русский для представления на домовом Вашего сиятельства театре, что я старался повеленное мне исполнить, сколько сил моих было; ибо в стихотворении лет уже за тридцать я не упражнялся, а под музыку (не зная ее) и никогда не только

²⁴ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века Изд 3-е Учпедгиз, М., 1955, стр 385—386.

²⁵ Французский оригинал этой пьесы называется «Les souliers mor-dorés», opéra-comique, 2 actes (либретто А. де Ферьера, музыка А. Фридцери) (R-Aloys Mooser. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIIIe siècle Ed 2, Genève-Monaco, 1955, стр. 128—129) «Dictionnaire dramatique» (Paris, 1776, t. III, стр. 550) называет композитором М. Фризери — Прим Ред

арий, но и песен не переводил». Это посвящение позволяет предположить, что переводы, выполненные Вороблевским до этого, были предприняты им по собственной инициативе и что с 1778 года он начал переводить по заказу своего владельца.

В комедии «Башмаки Мордоре» В. Г. Вороблевский показал колоритный образ слуги барона де Пиекур — Михайлы. Этот «рассуждающий», строптивый, внешне грубоватый, но по существу добрый человек во многом напоминает нам крепостных слуг, выведенных позднее Пушкиным, Гоголем, Тургеневым и другими писателями.

Значительным явлением в творческой биографии Вороблевского был его перевод в 1781 году лирической драмы Седена «Беглый солдат».²⁶ Демократический характер жанра комической оперы проявился в том, что в этих спектаклях на сцене изображалась жизнь не только дворян, но и обыкновенных простых людей: крестьян, ремесленников, слуг и т. п. К этому времени в истории комической оперы на западе уже сложилась прочная традиция изображения крестьян. Так, в опере 1762 года «Король и фермер» (музыка Монсиньи) был введен образ честного, трудолюбивого и умного крестьянина Ришара, в опере 1769 года «Люсиль» (музыка Гретри) действовал благородный крестьянин Блэз. Образы крестьян встречаются и в истории русского театра XVIII века. У Вороблевского впервые эти образы появляются в драме Седена «Беглый солдат».²⁷

Напомним вкратце сюжет этой оперы. Солдат Алексей, возвращаясь на родину, становится жертвой шутки своих односельчан: его уверяют в том, что его возлюбленная Луиза вышла замуж за другого. Алексей в отчаянии хочет бежать за границу и становится дезертиром. Его ловят и приговаривают к смертной казни. Верная ему Луиза добивается у короля помилования. Как и в комической опере «Король и фермер», здесь также введен «мудрый и добрый» король. Он понимает страдания любящей Луизы и отменяет казнь Алексея. В данной опере изображался идеал монарха, который был весьма распространен в литературе просветителей XVIII века. Однако главное внимание зрителя в этом спектакле обращалось на образы крестьян

²⁶ Беглый солдат, лирическая драма г. Седена. Переведена с французского Васильем Вороблевским. Печатана в Москве 1781 года. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

²⁷ Во французском подлиннике: «Opéra en trois actes et en prose, mêlée de musique». Вороблевский в своем переводе называет пьесу «лирической драмой». Отметим, что переводчик дает свое определение жанра пьесы, исходя из ее содержания.

янки Луизы, солдата Алексея и других простых людей. С большой художественной силой автор рисовал образ Алексея, добродетельного и любящего человека, готового пойти на смерть из-за потери любимой девушки. Зрителей волновал и образ Луизы, исполненный нежной трогательности и беззаветной любви. Пьеса изображала высокие идеалы простых, глубоко чувствующих людей, показывала награжденную добродетель.

При переводе «Дезертира» Вороблевский несколько отошел от своей манеры буквального следования тексту оригинала. Он стремился сделать пьесу более понятной для русского зрителя и приблизился здесь к той группе современных ему переводчиков, которые, как указывалось выше, переводимые ими пьесы «склоняли на наши нравы». Так, например, Вороблевский находит нужным заменить русскими некоторые иностранные имена действующих лиц: Jeannette — Анюта, Montausciel — Судьбинин. В разговоре он вводит русские обороты: «oh, ça, écoutez» — «ин слушайте ж» (стр. 11). Анюта говорит солдату: «Monsieur, monsieur, allez au château», в переводе: «Господин служивой, пойдем в замок» (стр. 28); «voilà un petit écu» — «вот тебе полтина» (стр. 66) и т. п.

Представляя себе трудности, которые могли возникнуть у актера при прочтении текста и в мизансценах, Вороблевский вводил дополнительные ремарки, стараясь тем самым помочь актерам в работе над ролью. Так, например, в ремарке «в это время отец ее выходит, которому она и говорит» (стр. 9). Так, выделенное курсивом отсутствует во французском тексте. Когда отец Луизы читает письмо, Вороблевский специальной репликой «говорит» показывает актеру, где надо прервать чтение и перейти к монологу. Во втором действии (явление 3) переводчик указывает, что Судьбинин говорит «улыбаясь», в третьем действии (явление 4) тот же Судьбинин должен говорить, «подошед к Алексею», и т. п. Это укрепляет предположение, что Вороблевский принимал участие в режиссерской работе.

Комическая опера «Дезертир» была выбрана Вороблевским для перевода не случайно. Известно, какой большой популярностью она пользовалась в Европе. Ее очень высоко ценил Вольтер. Сюжет «Дезертира» использован Дидро в «Dernières années de m-me d'Ériau». Молодой Бетховен слушал отрывки из увертюры к «Дезертиру», которые исполнялись часовым механизмом на башне Бонского курфюрста. Гейне находил в этой опере «аромат цветов и прелесть невинности». В Россию путешественники-меломаны привозили большое количество гравюр и других произведений искусства с изображением сцен из этой оперы.

Последующие переводы В. Г. Вороблевского мало добавляют к его творческой биографии и написаны были для помещичьего театра, которым он руководил.

Как переводчик В. Г. Вороблевский проделал большую работу. В «Реестре книг, продающимся в доме его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева у библиотекаря Василия Вороблевского»²⁸ указаны следующие переведенные им книги: «Сокращенное описание жизни и дел Петра Великого императора всея России»; «Путешествие в Берлин его высочества государя цесаревича великого князя Павла Петровича»; «Жизнь и приключения Лазарилла Тормского...»; «Пателен стряпчий» (комедия); «Важной» (комедия); «Заря — карточная игра»; «Башмаки Мордоре, или Немецкая башмачница» (комедия); «Живописец, влюбленный в свою модель» (комическая опера); «Две сестры, или Добрая приятельница» (комедия с ариями); «Опыт дружбы» (комедия с ариями); «Колония, или Новое селение» (комическая опера); «Двое скупых» (шутливая опера); «Лоретта» (опера); «Жнецы» (опера); «Беглый солдат» (драма с ариями); «Обрушник» (комическая опера).

В этот список не включены: «Три откупщика», комедия с ариями, в двух действиях, со своим «Последованием», называемым «Степан и Танюша» (слова Монвиля, музыка Дездеда); «Клементина и Дезорм», драма Монвиля в пяти актах; «Верное средство от подагры» (1779); «Описание села Спасского. Кускова тож»; «Яшина история» (1793); «Собрание любопытных повестей, модное сочинение» (1794); «Сказание о рождении и воспитании и наречении на Российский престол государя Петра Первого» (1787).

По приказанию Н. П. Шереметева Вороблевским был составлен на французском языке каталог картин шереметевского собрания: «„Description des tableaux, qui se trouvent dans la galerie de son excellence Monsieur le compte Pierre Borisovich de Scheremetef“, с российским переводом, письменная. С.-Петербург. 1796».²⁹

Книги, переведенные В. Г. Вороблевским, читались многими читателями, а пьесы шли не только на сцене театра Шереметевых, но и в театре Маддокса³⁰ и в воронцовском театре. Постановки комических опер, осуществленные В. Г. Вороблевским на шереметевской сцене,³¹ сыграли положительную роль в истории

²⁸ Опубликовано в книге В. Вороблевского «Лирические переводы» (М., 1779).

²⁹ Опись библиотеки..., стр. 56, № 2048.

³⁰ См.: О. Чаянова. Театр Маддокса в Москве. М., 1927.

³¹ О репертуаре театра подробнее см. в кн.: Н. А. Елизарова. Театры Шереметевых. ГИХЛ, М., 1944.

нашего театра. Комическая опера отличалась от всех других драматических жанров того времени своей демократической направленностью. Героями ее были представители «низших» сословий, и это привлекало Вороблевского.

Шереметевский театр, один из лучших в России XVIII века, обязан В. Г. Вороблевскому «не только общим наблюдением и руководством над спектаклями и праздниками, но и надзором за воспитанием и образованием актерских кадров... Специального режиссера крепостной театр не имел, но к этому делу привлекались... С. А. Дегтярев, Н. Кирющенко (бывший актер) и особенно В. Г. Вороблевский».³² Как человек, ответственный за подготовку актеров, Вороблевский имел возможность общаться с учителями, которые приглашались для их обучения. В числе учителей были: Дмитревский, чета Померанцевых, Сандуновы, Шушерин, Плавильщиков, Лапин, Синявская, Измагардова; из иностранцев — учителя пения Барбарини и Олимпий, французский трагик Флоридор, танцмейстеры Морелли и знаменитый в то время Ле-Пик; из музыкантов следует отметить виолончелиста и руководителя оркестра Иоганна-Генриха Фацциуса, немца по национальности, родившегося в Бонне в музыкальной семье, которая близко общалась с Бетховеном. Видимо, не порывал Вороблевский и дружеских связей, приобретенных еще в период существования Комиссии по составлению нового Уложения. На сцене театра под «надзором» Вороблевского шли оперы «Анюта» М. Попова, «Санкт-Петербургский гостинный двор» Матинского, «Мельник колдун, обманщик и сват» Аблесимова и др. Многие переведенные Вороблевским книги были напечатаны в типографии у Н. И. Новикова.

По отрывочным сведениям, сохранившимся в хозяйственных распоряжениях Н. П. Шереметева, в описях и других документах, можно представить себе круг обязанностей, лежавших на Вороблевском как режиссере.

29 апреля 1790 года Н. П. Шереметев оставляет «Наставление Василию Вороблевскому», в котором поручает ему надзор за всей работой театра. В. Г. Вороблевский должен был «иметь надзирание над оставшимися в Москве девицами и певчими, танцовщиками и музыкантами»; посещать музыкальные занятия девушек-актрис, «чтобы учились они прилежно»; следить за тем, как обучаются актеры у учителя итальянца; проверять, как обучает балету крепостной танцовщик Кузьма Сердоликов, а пению под гусли «маленьких новых девушек» — Степан Дег-

³² Там же, стр. 176

тырев. Кроме того, Вороблевский обязан был следить за «гардеробой театральной», за чистотой помещений, в которых жили актеры, за состоянием их здоровья и т. д.³³

Подобного рода документы немногочисленны. Исследователь прошлого века П. Бессонов писал: «К сожалению, меньше всего можно узнать о его (театра, — А. К.) прошлом в Кускове; архив, здесь хранящийся, заметно посещаем был каким-нибудь театралом прежде, а может статься, как увидим далее, очищен давно от щекотливых подробностей по приказанию самого хозяина: только все почти, касающееся театра, отсюда вынута, так что даже в обертках „Описи театра“ вставлены другие бумаги».³⁴ Похищение документов из архива подтверждает и С. Д. Шереметев.³⁵

Кроме переводческой и режиссерской работы, В. Г. Вороблевский должен был заведовать библиотекой Шереметевых, содержащей свыше 16 тысяч томов. В 1883 г. была издана составленная им опись библиотеки. Вскоре Вороблевский получил от Н. П. Шереметева приказание «разобрать по сортам» вотчинный архив и погрузился в эту громадную по своему объему работу.

4 мая 1789 года Н. П. Шереметев отдал «повеление» о том, чтобы Вороблевскому «за усердную и долговременную службу производить жалование как управителю». В 1791 году Шереметев узнал, что Вороблевский продает на сторону переводы, изданные «своим коштом», и строжайше запретил это. Позднее Шереметеву стало известно, что Вороблевский имеет смелость быть недовольным получаемым им окладом. Управителю А. Агапову было приказано перевести Вороблевского «за продерзость» на еще меньший оклад.

По-видимому, в последние годы жизни В. Г. Вороблевский написал или перевел какое-то произведение, нетерпимое в условиях дворянской России конца XVIII века. В это время по приказу Екатерины II был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость за «вольнодумство» Новиков, у которого, как мы помним, Вороблевский печатал многие свои переводы. В связи с арестом Новикова какие-то кары ждали и крепостного литератора. 1 ноября 1792 года последовало повеление Шереметева: Вороблевский «теперь может видеть, что горе терпит не у меня и что он меньше всех должен назвать жизнь свою неудачли-

³³ Там же, стр. 494—496, Приложение № 10.

³⁴ П. Бессонов. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. М., 1872, стр. 24.

³⁵ См.: Вл. Станюкович. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII в. Л., 1927, стр. 10.

вой».³⁶ «Если награждение равнять по мере его преступлений, — писал Н. П. Шереметев своему управителю о Вороблевском, — то все же оставляю и отдаю должному презрению. В газетах ничего не печатать. Возвратить ему книги, *истребя только глупое новое название, и предать огню* (курсив мой, — А. К.), а продавать как ему, так и никому в моем доме не позволяю и никогда не позволю, итак, что он хочет, то и делай, и чтоб в доме никакой продажи не было, и вам наблюдать, дабы без позволения моего никто из моего дома не дерзал ничего припечатывать и продажи никакой опубликованной в газетах не было».³⁷

Так закончилась литературная деятельность крепостного переводчика. Умер В. Г. Вороблевский в 1797 году, отдав всю жизнь служению русской литературе и театру. Деятельность крепостного литератора привлекла внимание только после революции 1917 года.

³⁶ Научный архив Останкинского музея, № 83, Повеление № 163

³⁷ Там же